

Людмила Ивановна Ивонина – доктор на историческите науки, професор в катедра „Обща история и международни отношения“ към Историко-юридическия факултет на Смоленския държавен университет.

Област на научни интереси – международни отношения, политическа култура, интелектуална история, монарси и политически лидери от XVII – XVIII в.

Автор на повече от 280 научни публикации в руски и чуждестранни издания, в това число и книгите: „Дипломатия и революция. Две Английские революции и европейская политика XVII века“. Смоленск, 1998; „Мазарини“. М.: Молодая гвардия, 2007; „Война за Испанское наследство“. М.: РосКонсулт, 2009; „Спутники Марса. Маршал Тюренн и принц Конде“. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013; „Драма династии Стюартов“. М.: Ломоносов, 2016; „Мальборо“. М.: Ломоносов, 2019; „Яркий закат Речи Посполитой. Ян Собеский, Август Сильный, Станислав Лещинский“. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020.

«МИР МЭТТА»: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА АНГЛИЙСКОГО ПОЭТА МЭТТЬЮ ПРАЙОРА

Людмила Ивонина

“MATT’S WORLD”: DIPLOMATIC SERVICE OF THE ENGLISH POET MATHEW PRIOR

Lyudmila Ivonina

Abstract: *The article analyzes circumstances, achievements and particular qualities of the diplomatic activity of the English poet Matthew Prior. The international situation in Europe of the late XVII – early XVIII centuries generated a storm of emotions in public opinion and stimulated intellectuals to take an active part in the political life of their country and the continent as a whole. Prior was one of the few Englishmen of his time who was able to combine a political and poetic career. He met the main criteria for climbing the career ladder in the era of “courts and alliances”, because he had professional abilities, excellent knowledge of languages, art knowledge, wit and the ability to write well. At the same time, fulfilling most of the duties of the plenipotentiary ambassador, he was behind the representatives of the aristocracy because of his simple origin. As a diplomat, Prior successfully proved himself during two European wars – the Augsburg League war and the War of the Spanish Succession. As secret agent, embassy secretary and ambassador extraordinary, he was prominent in all negotiations with France. In his experience, Prior realized that a particular situation needs to be rethought and interpreted in the light of constantly changing circumstances. The most important achievement of his diplomacy was the conclusion by Britain of the Utrecht peace with Versailles. The author believes that diplomacy defined his most successful and mature works, and poetry perfected his art of diplomacy.*

Keywords: *diplomacy, poetry, ambassador, the Peace of Ryswick, the Peace of Utrecht.*

Дипломатические и военные баталии в Европе в конце XVII – начале XVIII вв. были, за редким исключением, главными событиями в жизни современников. В то время война являлась повседневной реальностью европейской жизни. Она была «носителем политического решения» и диктовалась как потреб-

ностью укрепления и престижа центральной власти внутри государства, так и расширения его политического влияния и экономического благополучия за его пределами. Активная внешняя политика порождала бурю эмоций в общественном мнении и стимулировала интеллектуалов Европы принять активное уча-

стие в политической жизни своей страны и континента в целом. Многие из них сделали на этом поприще блестящую карьеру.

Особое место в этом процессе принадлежит британским поэтам, включившимся в политическую жизнь своей динамично развивавшейся конституционной монархии. Английская поэзия переломного рубежа XVII – XVIII столетий чрезвычайно богата на имена – Джон Драйден, Джозеф Аддисон, Джордж Степни, Джозеф Трапп, Александр Поуп, Томас Парнелл, Томас Тикелл... Этот список можно еще продолжать. Одним из самых известных и востребованных литераторов того времени являлся Мэттью Прайор (1664 – 1721) – один из немногих англичан своего времени, способных успешно совмещать дипломатическую и поэтическую карьеру (Roosen 1976: 198).

В отличие от филологических исследований, интересующихся наследием Прайора поэта, специальных работ о Прайоре дипломате в исторической литературе немного. Его первая «полновесная» биография с анализом его политической деятельности вышла в свет из-под пера Леопольда Легга только в 1921 г. (Roscoe 1913: 1 – 12; Legg 2010: the first edition 1921; Eves 1939; Ripru 1986). В последние годы влияние дипломатии на поэзию Прайора успешно исследует К. Брюнстром (Brunstrom 2014). Но в работах более широкого плана, посвященных международным отношениям, политической и культурной жизни Европы конца XVII – начала XVIII вв., его имя не только часто упоминается, но и стало нарицательным. «Мир Мэтта» – так нередко именуют Утрехтский мир, венчавший войну за Испанское наследство (1701 – 1713). Считается, что среди поэтов-дипломатов своего времени Прайор не имел себе равных (Escott 1908; Roosen 1976; Jacobsen 2012; Onnekink, Mijers 2013; de Bruin et al. 2015). Более того, в 1948 г. в университете Майами появился центр исследований наследия Прайора, когда

для его библиотеки были приобретены рукописи поэта и дипломата. И по сей день в этом университете существует «Проект Мэттью Прайора», в рамках которого осуществляется анализ его разнообразной деятельности и сбор его корреспонденции, которая является уникальным источником дипломатической жизни его времени. По данным проекта, она состоит из 3 000 писем личного и официального характера между Прайором и почти 300-ми его корреспондентами (Matthew Prior Project – Walter Havighurst Special Collections and University Archives. <https://spec.lib.miamioh.edu › home › matthew-p...> (accessed on 10.12.2019); The Matthew Prior Project. conan.lib.miamioh.edu › about... (accessed on 05.07.2020)).

Почему Мэттью Прайор оказался востребованным в дипломатии? Каковы его достижения в этой сфере? Как совмещались его карьера дипломата и карьера поэта? На эти вопросы и предстоит ответить в данной статье.

По предположению Л. Легга Мэттью Прайор, скорее, родился 21 июля 1664 г. в семье столяра-нонконформиста в Миддлсексе, но в большинстве работ местом его рождения указывается Вимборн Минстер в Дорсете. В историографии его иногда называют «поэтом из рабочего класса» (Legg 2010: 2 – 3; Eves 1939: 2 – 6). Тем не менее, в последние годы у исследователей вызывает сомнение и его простое происхождение – Х. Якобсен, основываясь на факте владения землей близкими родственниками Прайора, например, предполагает, что он происходил из джентри (Jacobsen 2012: 186 – 187). Так или иначе, но дед Мэттью являлся фермерским рабочим, и состояния у мальчика, рано потерявшего отца, не было. Случайная встреча в лавке дяди-винооторговца с лордом Дорсетом, которому понравился юноша, прекрасно знавший Горация, позволила Мэттью окончить Вестминстерскую школу. Там началась его дружба с

Чарльзом Монтегю, 1-м графом Галифаксом, во многом определившая его дальнейший жизненный путь. Оба молодых человека продолжили обучение в колледже Св. Иоанна в Кембридже. Членство в этом Колледже (по медицине, которая, кстати, давалась ему с трудом) он сохранял вплоть до своей смерти в 1721 г. Получив в 1686 г. степень бакалавра искусств, Мэттью в сотрудничестве с Чарльзом Монтегю стал сочинять сатиры, пользовавшиеся тогда большим спросом. Особую популярность в обществе приобрел бурлеск «Мышь городская и деревенская», написанный в 1687 г. в насмешку над произведением Джона Драйдена «Лань и пантера» (Prior 1835: IV; Linehan 2011: 175). Совместная деятельность помогла друзьям сделать карьеру на ином поприще.

В 1688 г. Монтегю был избран в парламент, где спустя шесть лет внес билль об учреждении Английского банка и благодаря этому был назначен канцлером Казначейства. Мэттью же в 1691 г. стал секретарем посла в Гааге лорда Дарсли, а затем одним из дворян Спальни короля. Жалованье в размере 100 ф.ст. позволило ему продолжать службу в Гааге у сменившего Дарсли лорда Вилльерса (графа Джерси). В 1697 г. его направили в качестве полномочного представителя Его Величества на заключение мира в Рисвике, венчавшего войну Аугсбургской лиги (иные названия – Десятилетняя война, война за Пфальцское наследство, 1688 – 1697) (Legg 2010: 4 – 9; Rogers 1983: 142). Дальнейшую дипломатическую службу Прайора можно назвать успешной, хоть она и прерывалась на ряд лет.

Причин, по которым молодой поэт стал востребованным в дипломатии, было несколько, и все они были взаимосвязаны между собой. Как метко заметил в свое время английский писатель-сатирик У.М. Теккерей (1811 – 1863), «...нынешние английские дипломаты более отличаются в танцах, нежели

в пении; я видел, как они в различных странах превосходно исполняют эту часть своих обязанностей. Во времена Прайора для продвижения по службе, видимо, требовались иные способности. Умеет ли дипломат писать аллеевым стихом? ... Может ли он сочинить при случае изящную эпиграмму? ...обладая такой способностью, легко разобраться в самых сложных договорах и чужеземных законах и соблюсти интересы своего отечества. Прайр продвигался по дипломатической службе и говорил прекрасные речи, подтверждавшие достоинства его ума и души. Когда ему показали залы Версаля, где стены расписаны сценами побед Людовика XVI, и спросили, есть ли во дворце английского короля подобная роспись, Мэтт сказал о Вильгельме, перед которым искренне благоговел: „Деяния моего повелителя увековечены повсюду, кроме собственного его дома». Bravo, Мэтт!“ (Теккерей 1977: 4).

Как видно, в литературной форме Теккерей вывел главные формулы восхождения по карьерной лестнице во времена Прайора – профессиональные способности, сопровождавшиеся отличным знанием языков, остроумием и умением хорошо писать. Вступившему на английский престол после Славной революции 1688 г. статхаудеру Республики Соединенных Провинций Вильгельму Оранскому требовались именно такие люди. Развивавшемуся молодому буржуазному государству необходимы были умелые и ловкие политики внутри страны и за ее пределами, к тому же в дипломатическом социуме при дворах Классической Европы очень ценился юмор и умение достойно и деликатно выйти из любого положения. Прайор как нельзя лучше подходил для роли дипломата.

Кроме того, надо учесть личные мотивы молодого человека. Несмотря на раннее признание его таланта, для Прайора путь вверх не столь уж легким. Помогали аристократические связи, приобретенные в Кембридже,

подкрепленные умением вовремя откликнуться и на победы короля Вильгельма, и на успехи друзей студенческих лет, унаследовавших отцовские титулы и богатства, а вместе с ними и возможности занимать министерские посты и руководящее положение в партиях тори и вигов. В те времена, не имея за душой состояния, сложно было обеспечить себе достойную жизнь интеллектуальным трудом без патронажа сильных мира сего (только к 50-ти годам поэзия принесла ему материальную независимость), приходилось «страховаться» иной сферой деятельности. Для этого необходима была политическая лояльность. Вплоть до 1701 г. Мэттью принадлежал к партии вигов, и его панегирические сочинения, адресованные Вильгельму III, отражали политику этой партии и короля. Поэт призывал парламент активнее поддерживать внешнюю политику Вильгельма, а короля – продолжать военные действия в войне Аугсбургской лиги (Подражание Горацию, книга III, 1692); обосновывал легитимность правления Вильгельма III после смерти его супруги королевы Марии (Ода, представленная королю по случаю прибытия Его Величества в Голландию после смерти королевы Марии, 1695); полемизировал с частью англиканского духовенства, отказывавшейся признать Вильгельма законным монархом, поскольку он принадлежал к другой ветви протестантизма (Ода, поднесенная королю по случаю его прибытия в Голландию после раскрытия заговора в 1696 году); составил в стихах программу первоочередных действий правительства после заключения выгодного для Британии Рисвикского мира (*Carmen Saeculare*, 1700) (Eves 1939: 2 – 6; Prior 1835: 153 – 175).

В своих панегириках Прайор, как и многие другие его собратья по перу, обращался к мифу о возвращении Золотого века Сатурна, с которым он отождествлял время правления римского принцепса Октавиана Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.). Поэт апеллировал и к бо-

лее ранним, и к более поздним культурным и политическим достижениям римской цивилизации. Британия при Вильгельме III (1688 – 1702), а затем и при Анне Стюарт (1702 – 1714) представлена им новым, воскресшим Римом, воплощением гармонии и миропорядка. Отталкиваясь от трактатов Цицерона «О республике» и Сенеки «О милосердии» Прайор создавал портрет идеального монарха и приводил аргументы в защиту проводимой им политики.

При этом поэт тонко ощущал ход времени и умел лавировать в построении политического жанра, чтобы быть востребованным. Его панегирики, адресованные Анне Стюарт (Письмо господину Буало – Депрео по случаю победы при Бленхайме (1704); Ода, смиренно написанная королеве. О последнем славном успехе оружия Ее Величества (1706); Послание, выражающее желание получить портрет королевы, написанный в Париже, но оставленный незавершенным вследствие незапного известия о кончине Ее Величества (1714), уже являлись хвалебными текстами и были практически лишены программной функции (Дуклау 2003: 11; Williams 1981: 56 – 67). Как видно, Мэттью уловил два момента – место королевы в политическом мире Британии, и то, что с начала XVIII в. панегирик стал терять свою актуальность вследствие перемещения поэзии из королевских дворцов в дома меценатов и литературные клубы.

Следует обозначить еще один фактор, способствовавший успеху дипломатической карьеры Прайора, отмеченный Х. Якобсен. Помимо добросовестной работы за границей, Мэттью использовал любую возможность укрепить связи со своими покровителями в Лондоне и обзавестись новыми, и использовал для этого распространенную, можно сказать, поголовную страсть аристократии и состоятельных людей к коллекционированию. Разумеется, он не являлся первопроходцем в этом деле. Еще на заре дипломатии произведе-

дения искусства и предметы роскоши были обязательным атрибутом отношений между государями, министрами, патронами и клиентами. Мэттью отправлял своим покровителям и влиятельным знакомым не только свои стихи, но и книги, вина и медали из Европы, являясь важным поставщиком произведений искусства и предметов роскоши для английской аристократии. Когда у него самого появились средства, он покупал произведения искусства и для себя. Так, к концу жизни он собрал только около 130 картин, среди которых были холсты Рубенса, Ван Дейка, Рембрандта, Гвидо Рени, Тициана, Веронезе, а также современных ему художников, к примеру, Неллера. Культурная активность Прайора демонстрирует, что, независимо от ранга дипломата, коллекционирование было широко распространенным феноменом на дипломатической службе. Вместе с тем, Мэттью пошел дальше – его ценили не только за поставку произведений искусства, но и за их художественную оценку, которая стала важным подспорьем значимости его личности. К нему обращались за советом и впечатлениями, поскольку он не только коллекционировал, но и являлся одним из первых крупных знатоков искусства века Просвещения (Jacobsen 2012: 188 – 190, 206 – 207).

Ко всему этому стоит добавить, что Прайор был внешне красивым человеком, любящим и принимающим жизнь во всех ее проявлениях, и поэтому был приятен для окружающих. «Мэтт был философом, он размышлял о мировых проблемах, проявив при этом немалый талант, доброту и проницательность. Он любил, он пил, он пел. Сам он так описывает себя в одном из стихотворений: «По Голландии едет он в вечер субботний, слева томик Горация, справа – друг беззаботный», – он ехал из Гааги, чтобы провести этот субботний вечер и следующее воскресенье за городом, развлекаясь со своими спутниками в театре, быть может, половить окуней в

Голландском канале и с изяществом стиля... выразить очарование своего безделья, своего уединения и своей батавской Хлои» (Теккерей 1977: 4). Он никогда не был женат, но имел близкие отношения с тремя женщинами. Одна из них – Джейн Энсли, известная как Фландрская Джейн, – являлась подругой и домохозяйкой для Мэттью в течение шестнадцати лет и стала прообразом одного из его самых популярных стихов «Справедливая Дженни».

И все же вследствие естественной конкуренции в поэтических кругах и ревнивого отношения к братьям по перу, в политических талантах Прайора сомневался его коллега Александр Поуп (Johnson 1779: 8). Мнению крупнейшего представителя британского классицизма здесь вряд ли стоит доверять, поскольку сам он не имел дипломатического опыта. Маловероятно, что король Вильгельм использовал бы в своей внешней политике человека, который бы не дал доказательств своего мастерства в этом деле. А Прайор их предоставил.

Во время службы секретарем английской миссии в Гааге, где на протяжении семи лет на фоне военных действий проходили консультации монархов и дипломатов Аугсбургской лиги, его работа была не совсем обычной рутинной дипломатической службой. Поддержка Людовиком XIV якобитов – сторонников изгнанного во Францию после Славной революции 1688 г. Якова II Стюарта – была характерной чертой европейской войны и являлась центральным вопросом в отношениях между Британией и Францией. Поэтому не удивительно, что в англо-американской историографии войну 1688 – 1697 гг. часто называют «войной короля Вильгельма» (Israel 1991: 7). Военные действия в Ирландии против Якова II и французских отрядов продолжались до конца 1691 г., после чего Англия активно воевала на континенте и субсидировала союзников.

В обязанности Прайора входила выдача паспортов для желающих посетить Британию, и весь свой ум он был вынужден направить на характеристику этих персон, которые, с точки зрения Лондона, не должны были иметь предосудительных намерений (Legg 2010: 15). После изгнания Якова Стюарта главной целью британской секретной службы до середины XVIII в. стал шпионаж за якобитами, преимущественно за французскими шпионами, пытавшимися через Нидерланды пробраться на Альбион. Е.Б. Черняк приводит пример о том, что однажды подозрение молодого дипломата вызвал один человек, объявивший себя итальянцем, хотя, по мнению Прайора, прекрасно владевшего французским, он являлся французом. Молодой дипломат сообщил о своих соображениях портовому начальству и в Лондон, и в итоге выяснилось, что это известный иезуит-шотландец Кларк (или отец Космо), посредник между двором Якова II Стюарта в Сен-Жермене и якобитами в Британии (Черняк 1991: 203). В конечном итоге Прайор предложил главе секретной службы Адаму Кардоннелу новую систему выдачи паспортов, одобренную в Лондоне. Поднимаясь на борт всех судов, отплывавших в Англию, должны были получить паспорта в Гааге абсолютно все, включая англичан, шотландцев и голландцев, что облегчало обнаружение иностранных шпионов (Legg 2010: 16).

Помимо этого он два раза в неделю отправлял в Уайтхолл лордам Пемброку, Дорсету, Ноттингему, Шрюсбери сведения, которые содержались в письмах, прибывавших в Гаагу от английских агентов при дворах Европы. Политическая и военная информация перемежалась в них с придворными сплетнями, имевшими известное значение для ориентации британской дипломатии. Прайор первым сообщил из Гааги о возможном проекте Людовика XIV восстановить Якова Стюарта на троне путем военного вторжения в Брита-

нию. В немалой степени инициативную и эффективную дипломатическую работу стимулировало его желание постоянно напоминать о себе патронам в Лондоне, которые могли оценить его усилия и способствовать дальнейшей карьере (Bath 1908: 74; Legg 2010: 16 – 28).

Ненадолго посетив Лондон, Мэттью возвратился в Гаагу в начале 1697 г. в качестве секретаря британского мирного посольства. Уже 8 января в письме в Гаагу он сообщил прелиминарные условия будущего мира, которые в дальнейшем были скорректированы (Bath 1908: 100 – 101). Первое заседание Конгресса в Рисвике состоялось 9 мая того же года, а мирные договоры были подписаны 20 и 21 сентября. Обязанность Прайора состояла в том, чтобы проверить их латинские и французские версии и 24 сентября доставить в Лондон официальное сообщение о подписании Британией, Республикой Соединенных Провинций и Испанией договора с Францией, который положил конец войне Аугсбургской лиги (Moetiens 1725: 191 – 192).

Параллельно работе по заключению выгодного для Британии мира и признанию Версалем Вильгельма Оранского английским королем, он был задействован в приеме Великого посольства Петра I. Прайор и другие английские дипломаты на переговорах в Рисвике получили инструкции «приветствовать Царя или его Послов по их прибытии в Гаагу... заверив Царя в исключительно дружеском расположении к нему со стороны Короля». 15 августа Великое посольство появилось в Нидерландах, и представители Вильгельма III первыми обратились к русским послам с предложением о встрече. 23 августа Прайор писал в Лондон: „Если Царю будет угодно оказать нам честь своим визитом, то Его Величество также прибудет сюда через день-два...“. А через день после встречи двух государей он сообщал: „Его Величество очень доволен Им (Петром I) и пригласил Его

на обед“. Стоит, правда, заметить, что в 1700 г., характеризуя современное состояние Европы, Мэттью, намекая на Петра, писал:

... the young Muscovite, the mighty head

Whose sovereign terror forty nations dread... (Prior 1795: 422; Loevenson 1957 – 1958: 431; Barany 1986 : 31).

В этом пассаже его политическая позиция в отношении России полностью отражала позицию государства, которое он представлял. Кроме того, на конгрессе в Рисвике произошла значимая для его поэтического наследия встреча с лондонцем Эдрианом Дрифтом, ставшим другом поэта, а также расшифровщиком и хранителем его рукописей.

Успешная деятельность в Нидерландах плюс прекрасное знание французского языка помогли Прайору отправиться после Рисвика в качестве секретаря лорда Портленда с дипломатической миссией в Париж, куда он прибыл в январе 1698 г. и оставался в течение девятнадцати месяцев. Мэттью писал своим друзьям в Англии о впечатлениях, какие на него произвели искусство и архитектура, которые его окружали во французской столице. Но не все ему нравилось. О Версале, которым все восхищались, и который копировали в других государствах Европы, он отзывался, что «этот дворец – что-то глупейшее в мире, он напыщенный в каждой своей детали...» (Jacobsen 2012: 190).

Официально английское посольство воздерживалось от любых контактов с Яковом II и его двором в Сен-Жермене и ставило целью, согласно Рисвикскому договору, добиться высылки бывшего английского короля из Франции. Британские дипломаты, как правило, избегали придворных празднеств и церемоний с присутствием Якова Стюарта, но Прайор выглядел менее осторожным, присматриваясь к действиям королевской семьи в изгнании. В феврале 1698 г. у него была первая аудиенция у Людовика XIV, в середине августа он оказался на приеме, который посе-

тили Яков II и его супруга Мария Моденская. «Старый хвостун... тощий, потрепанный и сгорбленный», – такое впечатление произвел на него король в изгнании (Черняк 1991: 204). Позже он увидел и молодого принца Джеймса. Приятная внешность, поэтический язык, легкость в общении, остроумие англичанина располагали к непринужденной беседе, в ходе которой можно было добыть полезную информацию о действиях и замыслах якобитов, а также политических планах французского двора.

Главной же целью английской миссии являлись переговоры о разделе испанских владений. Испанская проблема муссировалась в дипломатических кругах уже давно – с конца 60-х гг. XVII в., когда возникли опасения, что у больного короля Испании Карла II Габсбурга не будет наследников. На испанский престол претендовали ближайшие родственники – внук французского короля Людовика XIV Филипп Анжуйский и сын императора Священной Римской империи Леопольда I эрцгерцог Карл. Ныне Карл II был серьезно болен, и, чтобы не допустить новой европейской войны, испанскую проблему Версаль и Лондон пытались разрешить «компромиссным» вариантом – путем раздела его владений. Наиболее приемлемым кандидатом на трон в Эскуриале оказался малолетний Фердинанд-Иосиф, сын баварского курфюрста Макса-Эммануэля и внук императора Леопольда. Переговоры между английской стороной (лорд Портленд), и французской (глава Департамента иностранных дел маркиз де Торси) начались еще в конце 1697 г. в Версале. Второй раз стороны в лице будущего маршала графа Таллара и короля Вильгельма договаривались в Лондоне в первой половине 1698 г.

После отъезда Портленда Прайор был поверенным в делах по разделу испанских владений до приезда в Париж нового посла – лорда Джерси. Находясь во французской сто-

лице, Мэттью очень обрадовался известию об избрании его в члены Английского Королевского общества. Эти месяцы стали важны для него и из-за прочных связей, которые он установил с французами: в литературе – с Буало и Фонтенелем, а в политике – с герцогом де Вильруа, с маркизом де Торси, который стал его личным другом, и с Людовиком XIV (Jacobsen 2012: 206). Писал молодой дипломат от случая к случаю, но не оставлял поэзию, которая давалась ему легко и явилась в будущем основой его благосостояния. Первый раздел испанских владений 11 октября 1698 г. прошел почти безболезненно. 9-летний Фердинанд-Иосиф получал испанский трон, Людовик XIV – Неаполь, Сицилию, Президи (испанские укрепления на побережье Тосканы) и Гипискуа (баскскую провинцию в Испании с центром в Сен-Себастьяне). Австрийский эрцгерцог Карл должен был удовольствоваться Миланским герцогством.

Этот договор был довольно спокойно воспринят в Европе, не желавшей новой войны. Но в феврале 1699 г. юный Фердинанд-Иосиф внезапно скончался. Французский король возобновил переговоры с Вильгельмом III о новом разделе испанских владений. Прайор остался в Париже и после прибытия нового посла – графа Манчестера, которому его опыт и знание французского двора сослужили хорошую службу. В августе 1699 г. поэт имел личную аудиенцию у короля Вильгельма, пребывавшего в Лоо (Нидерланды), и затем отправился в Лондон занять место заместителя Джерси. Но скоро его опять призвали во Францию (Prior 1835: VI – VII).

Согласно обсуждавшимся условиям нового раздела, эрцгерцог Карл должен был стать королем Испании и получить ее колониальную империю, дофин Франции получал Неаполь и Сицилию плюс порты Тосканы, маркизат Финале, Гипискуа и Лотарингию. Людовик XIV отказывался от поддержки якобитов в Британии, а корона Испании никогда

не могла быть объединена с австрийскими наследственными владениями либо Священной Римской империей. 3 марта 1700 г. этот договор был подписан в Лондоне, а шесть дней спустя – французской стороной в Гааге. Непосредственно секретные переговоры с Торси и самим Людовиком XIV о Втором разделе испанских владений вел, преимущественно, Прайор, который неоднократно курсировал в Париж и Марли с предложениями и жалобами сторон (Browning 1953: 869 – 873; Onnekink, Mijers 2013: 101; Ивонина 2009). Он выполнял многие, если не большую часть обязанностей полномочного посла, но в силу своего происхождения находился за спиной представителей аристократии. Его летняя корреспонденция 1699 г. с уехавшим в Лондон лордом Джерси отражает готовность дипломата следовать указаниям своего патрона, собственные соображения и практически ежедневную информацию о том, что происходило при французском дворе накануне войны за Испанское наследство (ряд писем отражает активизацию деятельности якобитов, в частности, госсекретаря Якова Стюарта графа Мелфорта). Покидая Париж, Прайор составил детальный отчет об использовавшихся и выявленных им шпионах, в котором, как, собственно, и многие другие дипломаты, преувеличил свои заслуги (Legg 2010: 286 – 321).

По возвращении в Британию он стал заместителем государственного секретаря и сменил Дж. Локка, ушедшего в отставку из-за слабого здоровья, в должности комиссара Совета по торговле и плантациям. В начале 1700 г. поэт присоединился к кружку аристократов вигов и молодых писателей Кит-Кат, в состав которого входили Джозеф Аддисон, Ричард Стил, Конгрив и Роу. А в 1701 г. он был избран членом Парламента от Восточного Гринстеда.

Успех кружит голову, а дипломатическая карьера во многом зависит от политических пристрастий. Скоро Прайор несколь-

ко просчитался. 1 ноября Карл II скончался, оставив завещание в пользу внука Людовика XIV, а через несколько месяцев началась война за Испанское наследство (1701 – 1714). Независимо от непосредственного виновника, эта война стала системным конфликтом между европейскими государствами Нового времени, который наметился уже за десятилетия до развязки, хотели того дворы и кабинеты, или нет. Когда вигские покровители молодого дипломата лорды Сомерс, Орфорд и Галифакс были привлечены к ответственности за свое участие во Втором разделе испанских владений, он проголосовал на стороне тори, и после вступления Анны Стюарт на престол в 1702 г. объединился с представителями этой партии Робертом Харли, будущим лордом Оксфордом, и Генри Сент-Джоном, будущим лордом Болингброком.

Впрочем, еще до своего избрания в парламент Прайор политически двигался к тори, выступая за усиление позиций Вильгельма III, и за четыре месяца пребывания в палате общин он открыто встал на их сторону. В результате, он не получил своего карманного места вигов, а его членство в Кит-Кат было внезапно прекращено. Тем не менее, в 1700 г. Мэттью купил себе дом в Лондоне, который он назвал «Дворец Мэтта», и стал в это время, пожалуй, самым издаваемым поэтом в Англии. Кроме небольших работ, он сочинил восемнадцать поэм, среди которых наиболее популярными были «Генри и Эмма» и «Соломон». Его литературная репутация росла вместе с ростом литературных оппонентов. Так, Даниэль Дефо в 1702 г. укорял поэта в том, что он провел свои первые годы в таверне и что одновременно и восхвалял, и обвинял Вильгельма III (Ripru 1986: 117 – 118).

В годы творчества Прайор не отошел от дипломатии – она звучала в его работах. В этом плане примечательно его общение с Буало, с которым он встречался в Париже в 1699

г. Мэттью, конечно, не имел такой европейской репутации, как французский поэт, и не имеет и сегодня. Исследователями высказано предположение, что главное различие между относительным статусом двух поэтов неразрывно связано с относительными статусами двух языков, между языком международной дипломатии и периферийным языком северо-западного европейского архипелага. Ведь война Аугсбургской лиги была не только войной между англичанами и французами, но и войной между английским и французским языками (Brunstrom 2014: 42). Эта точка зрения представляется интересной, но в силу своего филологического ракурса довольно спорной. Представляется, что Прайор не столько из-за соперничества с Буало живо и дипломатично отреагировал на знаменитую победу над французской армией, одержанную британским главнокомандующим герцогом Мальборо и имперским полководцем Евгением Савойским при Бленхайме в 1704 г., сколько из-за значимости этой битвы и собственного политического и литературного статуса в Британии. И, как дипломат, временно находящийся не у дел, он обращался к Буало, как к французу, как к представителю державы, соперничавшей с Британией. Сражение при Бленхайме, значительно повлияв на расстановку сил в Европе, привело поэта к поискам воображаемого мира в поэме «Послание Буало» (1704), которая значительно отличается от воинственного духа его «Английской баллады». Уже тогда он стал задумываться о достойном мире с Францией. Прайор с юмором отмечал, что многие из побед, достигнутых Джоном Черчиллем и Евгением Савойским, удивительно трудны для рифмы. Сравнивая себя с Буало, он писал, что Людовик XIV недостоин Буало, но король Вильгельм, королева Анна и герцог Мальборо заслуживают лучшего поэта, чем Прайор. Буало может сделать героя из Людовика XIV, но он может сделать

героя и из предмета мебели. Как дипломат, но не воин, Прайор представлял, как каждая военная победа может влиять на условия возможного мирного урегулирования. Мир необходим, чтобы отдать должное достижениям войны (Voileau 1695; Prior 1835: 181 – 188; Prior 1889: 11 – 27).

Королева Анна не желала использовать Прайора в политике не только из-за его невысокого происхождения, но и из-за того, что находилась под сильным влиянием герцогини Сары Мальборо, которая не любила поэта и не доверяла ему из-за перехода на сторону тори. Девять лет, когда государством фактически руководили герцог Мальборо и виги, имя поэта не упоминалось в связи с какой-либо дипломатической акцией. Когда же в 1710 г. к власти пришли тори и пал всемогущий герцог, дипломатические способности Мэттью снова были востребованы. Международная ситуация изменилась, к тому же Британия и Европа устали от долгой войны.

Тайные переговоры между Лондоном и Парижем завязались через аббата Готье, но для консультаций о предоставлении дополнительных сервитутов в Париж решили послать человека из личного окружения Генри Сент-Джона с опытом ведения дипломатических дел с Францией. С июня 1711 г. Прайор вел сепаратные переговоры с маркизом де Торси. Эти переговоры стали прелюдией к подписанию англо-французского договора в Утрехте, принесшего мир Европе. В ходе переговоров он активно переписывался с графом Оксфордом и лордом Болингброком. В одной из своих инструкций Болингброк замечал: «Решение проблемы должно исходить от вас; ... и я полагаю, что французский двор должен быть... более податливым, чтобы не показывать свой темперамент по поводу уже очевидной ситуации. ... Королева..., пока они (союзники) играют ту роль, которая есть сейчас, может справедливо быть пассивной

и нейтральной в отношении их интересов: и если ее мир может быть заключен раньше, она не будет откладывать его для них...» (Bolingbroke 1712: 224).

Прайор провел три встречи с Торси. На первой он предъявил требования Лондона, состоявшие в следующем: прежде, чем Британия свяжет себя требованиями от лица всех союзников, она закрепит за собой существенные торговые преимущества соглашением с Францией. Ей нужны, во-первых, право на ввоз африканских негров-рабов в Западные Индии и Южную Америку («асьенто»); во-вторых, морские базы в Гибралтаре и Минорке; в третьих, уступки Новой Шотландии, Ньюфаундленда, торговые права и права на рыболовство в тех районах; в-четвертых, разрушение укреплений Дюнкерка; и, в-пятых, признание Францией прав Анны Стюарт на престол. После этого Прайор, согласно инструкциям, обсуждал с Торси разделение престолов Франции и Испании, барьер крепостей для Голландии и барьеры для герцога Савойи и для Империи. Проблемы престолонаследия в Великобритании, германских границ на Рейне, территориальных притязаний императора в Италии, Испании, Баварии и Нидерландах они оставили для будущих переговоров.

К последней встрече с английским дипломатом Торси, уверившийся в том, что общается с противником, желающим купить сепаратный мир и выгоды для себя за спинами и за счет своих союзников, решился прямо спросить: «Что Франция получит от Англии за все это?» На предыдущих переговорах Лондон следовал условиям, согласованным с Нидерландами и Империей, а теперь атмосфера была иной. Прайор несколько опешил: он, как и другие англичане, уже несколько лет не сомневался в том, что Британия одержала неоспоримую победу, и теперь получит все, что попросит. Затем ответил: «Испанию и Ин-

дии для Филиппа V». «Англичане, – спросил далее Торси, – свободно распоряжаются в Испании, не так ли?» Как человек, обладавший дипломатическим умением и опытом, Прайор увидел в лице Торси оппонента, намного превосходящего его в этой сфере. И предпочел промолчать, поскольку внук Людовика XIV благодаря французским маршалам Бервику и Вандому уже «выиграл» себе Испанию на полях сражений. Торси развил успех и зачитал Мэттью последние письма из Нидерландов, свидетельствовавшие, что голландцы, опасаясь «дезертирства» Британии, готовы сами пойти на сепаратные переговоры. Так, на консультациях Прайора и Торси выяснилось, что Великобритания окончательно повернулась к миру и убеждена, что сможет получить его на своих условиях; а перед Францией открылись возможности улучшить свое положение, основываясь на том, что как только союзники Лондона узнают о тайных переговорах, между ними начнется раздор. Торговые дискуссии зашли в тупик, и было решено возобновить дискуссию в британской столице. В Лондон отправился агент Торси и французский эксперт по торговым делам Менаже (Churchill 2014: 267 – 269; Legg 1914: 525 – 530).

В доме Прайора 20 сентября 1711 г. дипломаты королевы встретились с Менаже и продолжили переговоры о мире. Значимость поэта-дипломата подчеркивает упоминание о нем Болингброка в письме к королеве: «Мой лорд-казначей, и все мои лорды придерживаются мнения, что мистер Прайор должен быть добавлен к тем, кто уполномочен подписывать договор; причина заключается в том, что он, лично общаясь с месье де Торси, является главным свидетелем того, как были заключены общие предварительные обязательства... Кроме того, он лучше всех слуг Вашего Величества, которым доверили эту тайну, разбирается в вопросах торговли...» (Prior 1802: X).

В конечном итоге, встречи Торси и Прайора, а также лондонская дискуссия, привели к подписанию предварительных условий мирного договора между Британией и Францией, т.н. «Прелиминарным статьям октября». Согласно этим статьям Людовик XIV признавал курфюрста Ганноверского наследником английской короны, обязывался разрушить укрепления Дюнкерка, уступить англичанам Гибралтар, ряд островов в Атлантике, передать им торговлю «черным золотом». Договор предполагал отказ от объединения корон Франции и Испании и восстановление линии голландских оборонительных крепостей. Испанский трон сохранялся за Бурбонами. Перемирие между двумя государствами сначала установилось на два месяца во Фландрии, а затем было перенесено на все фронты войны за Испанское наследство (Legg 1925: 24; Блюш 1998: 665).

В ходе переговоров в переписке Прайора с Оксфордом и Болингброком использовались имена Робин, Гарри и Мэтт. Поэтому виги иронично назвали первый секретный проект договора в Утрехте «мир Мэтта», ставший популярным в английской политической среде и признанием заслуг дипломата (Jacobsen 2012: 200).

Отчет Торси в Фонтенбло в июле 1711 г. о переговорах с англичанином свидетельствует о том, что Прайор проявил себя, употребляя современный язык, мастером трехсторонней дипломатии. Как дипломат, он прекрасно осознавал необходимость отступить назад, и представлял себе позицию, которую противник может с честью принять. В его ситуации отступление заключалось в том, чтобы уступить Франции первоначальный и официальный *casus belli* – право династии Бурбонов на испанский престол. В отчете Торси также говорится о Прайоре как о человеке, который на переговорах мог превратить фактическую слабость в силу, преувеличивая

политическую уязвимость для достижения цели. Так, английский дипломат призывал Францию к скорейшему миру с «хорошим полицейским» Великобританией, чтобы предотвратить растущее политическое влияние «плохих полицейских» – Священной Римской империи и Нидерландов. Прайор тоже восхищался главой Департамента иностранных дел Франции. «Маленький Торси, благо-разумный министр, правая рука короля, его главнейший советник», – отмечал он в одном из своих писем (Sorel 1884: 135 – 141; Legg 1914: 531 – 532).

На открывшемся в январе 1712 г. Конгрессе в Утрехте дипломаты совещались так долго, что более быстрые методы заключения мира были сочтены в Лондоне необходимыми. Болингброк отправился в Париж, чтобы урегулировать разногласия с меньшей формальностью. После его отъезда Прайор имел полномочия посла, хотя и неофициального характера. Болингброк абсолютно доверял ему: «Дорогой Мэтт, спрячь наготу своей страны, и обрати все к лучшему..., твой плодородный мозг исправит грубые ошибки соотечественников, которые немного лучше, как политики, чем французы – поэты». Вскоре после этого герцог Шрюсбери был назначен в Париж в качестве официального посла. Шрюсбери мало общался с Прайором, не желая появляться в компании человека столь низкого происхождения. Болингброк советовал поэту: «Месье де Торси доверяет Вам; воспользуйтесь этим раз и навсегда и убедите его в том, что мы должны ...разрешить этот кризис» (Johnson 1779: 3 – 7).

Доверял ему и Людовик XIV, и поэтому Мэттью продолжал действовать по своему усмотрению, ориентируясь на инструкции из Лондона, пока герцог не вернулся в следующем году в Британию. В это время поэту приходилось совершать вояжи в Лондон и обратно: так в октябре 1712 г. он доставил

королеве личное письмо французского монарха относительно требований Баварии, а уже в ноябре отправился в Париж с новыми инструкциями и сопроводительным письмом Анны Стюарт. В официальное достоинство посла Прайор был возведен в августе 1713 г., и являлся таковым в течение года, разрешая в Париже ряд проблем по исполнению мирных соглашений: голландского Барьера, торговли в Америке, продолжавшейся еще войны между испанским королем и Каталонией. Но его материальное положение отличалось от статуса других послов, он погряз в многочисленных долгах из-за нерегулярных поступлений денежных переводов (Prior 1749: 375 – 377, 381 – 386).

Параллельно с дипломатической службой Прайор успевал сочинять для газеты *The Examiner*, издаваемой Дж. Свифтом, который стал его другом. Переписка Мэттью со Свифтом демонстрирует его отношение к своей дипломатической миссии. «Наше великое дело продолжается очень успешно. Мы передаем испанский договор, заключенный в Мадриде, для одобрения в Англии и передачи в Утрехт; после чего, я думаю, общий мир будет заключен, ... а наше общество будет процветать, и мне ничего не останется, кроме как воспользоваться той универсальной защитой, которую оно получит» (Swift 1713: 257).

После смерти королевы Анны и восшествия на престол Георга I в 1714 г. торжествующие виги пришли к власти, и Прайора вместе с Болингброком и Харли привлекли к расследованию за начало тайных переговоров с Францией. Но еще раньше соперничество между Оксфордом и Болингброком угрожало партии тори и ее отдельным членам, среди которых Прайор был особенно уязвим из-за своей роли в секретных переговорах по заключению Утрехтского мира. Свифт полагал, что он мог бы примирить двух министров, если бы он находился в Англии в это крити-

ческое время (Brunstrom 2014). 30 июля 1714 г. Оксфорд покинул свой пост. Два дня спустя умерла королева.

Когда Ганноверы наследовали трон, Прайор был вынужден действовать в качестве британского представителя в Париже без официального назначения и достаточного финансирования (хотя его старый друг Монтегю был теперь во главе казначейства), ведя переговоры с Людовиком XIV об уничтожении Дюнкерка. К тому же он задолжал пять тысяч фунтов. В конце концов, министерство вигов согласилось погасить парижские долги, чтобы Прайор мог вернуться домой для допроса. 25 марта 1715 г. он был арестован и заключен в своем доме на Дьюк стрит. Неделю спустя он был вызван для дачи показаний перед Тайным комитетом, председателем которого был Роберт Уолпол, созданным для расследования коррупции и измены в предыдущем министерстве тори, особенно во время подготовки Утрехтского мира.

Как Прайор впоследствии отметил в своей «Истории своего времени» (1740), комитет намеревался выдвинуть обвинения в государственной измене графу Оксфорду, убеждая Мэттью подтвердить, что граф присутствовал на встрече в его доме с французскими переговорщиками. Поэт туманно ответил, что его посещали либо герцог Шрюсбери, либо граф Оксфорд, а кто конкретно, он не может вспомнить спустя четыре года. Это «имело такой эффект, как будто бы они оба отсутствовали, поскольку не могли определить, кто же из них присутствовал». Несмотря на неоднократные допросы, Прайор отказался привлечь к ответственности любого из них. Так ему удалось защитить своих друзей-тори, рискуя собственной жизнью. При этом он заявил Тайному комитету, что ни одно Утрехтское соглашение не было заключено без частных собеседований и предварительных обсуждений. «Я прекрасно пом-

нил, что инструкции Королевы своим послам относительно общего мира подразумевали, что голландцы готовы к нему...» И замечал, что Великий Альянс (Британия, Нидерланды, Священная Римская империя) являлся сделкой, не очень выгодной для Англии, которая несла все финансовое бремя войны, тогда как обязательства были обоюдными. Союзники с каждым годом все меньше исполняли свои обязательства, и поэтому Британия имела право начать переговоры с Францией, приведшие к всеобщему миру. Чтобы наказать его за отказ от сотрудничества, правительство вигов более года удерживало его в доме под арестом, не позволяя ему принимать гостей, кроме как с разрешения спикера палаты общин Уолпола, и писать или получать письма от друзей (Prior 1740: 430 – 446). В результате имя Прайора стало синонимом незаслуженно жестокого обращения властей.

К рассказу самого Прайора о происшедшем стоит добавить один нюанс, повлиявший на его и Оксфорда положение перед Тайным комитетом. В знаменитом труде Уинстона Черчилля о герцоге Мальборо есть информация о том, что перед отъездом поэта во Францию Анна Стюарт заметила Болингброку: «Я всегда плохо относилась к отправке за границу людей худородных, но раз вы считаете, что в этом случае мистер Прайор может принести большую пользу, я соглашусь с вашим пожеланием». В результате поэт получил обширные полномочия от королевы: «Мистер Прайор полностью посвящен в дело, уполномочен сообщить Франции наши предварительные условия, и передать нам ответ». В 1715 г. этот документ впечатлил Тайный комитет тем, что королева предоставила широкие полномочия в собственноручно подписанной инструкции столь незначительной персоне. Ни один министр не принял официальную ответственность за столь чрезвычайную «власть». Как суверен, Анна пожелала одна отвечать

перед парламентом. Когда во время следствия Прайора спросили: «Это лорд казначей направил вас во Францию?», он уверенно отвечал: «Нет, меня послала королева» (Churchill 2014: 267 – 269). Подкрепленное документом показание оказалось несокрушимым, и лорд Харли мог благодарить судьбу за проявленные четыре года назад проницательность и дальновидность.

По большому счету, виги возлагали надежды, главным образом, на его бумаги, конфискованные лордом Стейром, ставшим новым послом в Париже. Но тщательное расследование ни к чему не привело: найти удалось лишь общеизвестные к тому времени факты. В итоге Прайор был освобожден. Позднее и Оксфорда выпустили из Тауэра (Churchill 2014: 270).

Находясь под арестом около двух лет (1715 – 1717), Прайор написал три значительных поэмы – «Наместник. Баллада» (The Viceroy. A Ballad), «Дафна и Аполлон» (Daphne and Apollo), «Альма, или Развитие Ума» (Alma; or, The Progress of the Mind), и одну критическую работу в прозе – «Наблюдения за Гомером: Письмо» (Observations on Homer: A Letter). Только первое из этих произведений, где упоминается имя «прославленного Георга» (ныне короля) было связано с политикой. Поэт оставил дипломатическую службу. Получив от издателя четыре тысячи фунтов, окруженный заботой друзей, он жил и творил в относительном достатке в небольшом поместье Даун Холл в Эссексе, подаренном ему Оксфордом. Его жизнь прервалась в Уимполе близ Кембриджа 18 сентября 1721 г. (Prior 1802: 91 – 98; Prior 1835: XIV – XV)

Прайор был похоронен в Вестминстерском аббатстве, в Уголке Поэтов у подножия могилы Эдмунда Спенсера, где ему в 1726 г. был установлен большой мраморный памятник. Памятник венчает бюст поэта-дипломата работы Антуана Куазево, подаренный ему

при жизни королем Франции. Примечательно, что в латинской надписи на саркофаге в первую очередь отмечены дипломатические достижения этого человека: «Здесь похоронен Мэттью Прайор, эсквайр, великий человек, который при наших милостивых Величествах короле Вильгельме и королеве Марии исполнял обязанности секретаря посольства в Гааге в 1690 г., а затем секретаря сторон, которые в 1697 г. заключили мир в Рисвике... Он также был комиссаром на торговом конгрессе 1700 г. и налоговом конгрессе 1711 г. Наконец, королева Анна... отправила его в 1711 г. во Францию к Людовику XIV в качестве легата и полномочного представителя на мирных переговорах...» (Rawson 2013: 433 – 453; Johnson 1779: 10).

Можно ли считать М. Прайора выдающимся дипломатом? Выдающимся, пожалуй, нет – многие его современники, такие, как посол Британии в России Ч. Уинтворт, или тот же маркиз де Торси, превосходили его в дипломатическом искусстве. Но способным, нестандартным и незаменимым в определенных ситуациях – да. Дипломатическая деятельность М. Прайора гармонично сочеталась и взаимодействовала с его эрудицией в области художественной культуры и поэзией. Коллекционирование и экспертиза визуального искусства, а также покровительство художникам помогало ему не только в политических, но и в социальных достижениях – он производил прекрасное впечатление на своих патронов, государей, министров и приобретал новых друзей и покровителей. Его политические и культурные горизонты расширялись с его карьерой.

В своей поэзии и прозе Прайор, по сути, являлся теоретиком дипломатии. На своем опыте он осознал, что дипломатия сопротивляется завершению, определенности. Когда дипломаты говорят о «прочном мире», они редко обманываются ошибочным представ-

лением о том, что какой-то один лист бумаги сможет определять отношения государств на всю вечность. Документы необходимо переосмысливать и трактовать в свете постоянно меняющихся обстоятельств. В принципе, можно согласиться с К. Брюнстромом в том, что как Прайор дипломат, так и Прайор поэт обозначены двумя мирными договорами – Рисвикским договором 1697 г. и Утрехтским договором 1713 г. Разница между этими двумя событиями, их опыт выявляет различие между содержанием поэзии Мэттью. Договор в Рисвике, в основном, предусматривал взаимодействие Британии с одним антагонистом – Францией, и утверждение позиции доверия и военной мощи в отношении этого антагониста. Утрехтский договор был более сложным и триангулированным соглашением (Великобритания, Франция, союзники), определявшимся гораздо более гибкой последовательностью дипломатического сближения и отчуждения (Brunstrom 2014; 46). Неудивительно, что стихи Прайора, которые отражают Утрехтский опыт, оцениваются литературными, как более интересные, чем стихи после Рисвика. Его зрелые поэмы – «Алма», «Соломон», «Генри и Эмма» – по сути, являются упражнениями в аргументах и дипломатии, столкновением противоположных мнений, которые поэт стремился привести к гармоничному и элегантному балансу.

Отказываясь от каких-либо конкретных претензий считаться поэтом, Прайор утверждал, что военные и литературные завоевания совершаются вместе. Извиняясь за свою поэзию, он заявлял, что его время было занято общественным делом, делом дипломатии (Brunstrom 2014; 48). Он любил свою работу. В итоге, дипломатия, отнюдь не досадно «прерывая» его карьеру поэта, обозначила характер и своеобразие его произведений. Но тут же важно подчеркнуть, что поэзия совершенствовала его искусство дипломатии, отвлекала его от дипломатической рутины и

поддерживала в сложные моменты политической жизни.

В качестве последнего аккорда следует добавить, что в отличие от своих современников поэтов, написавших панегирики после Утрехтских договоренностей (Ivonina 2013: 395 – 413), Мэтт не славил в стихах мир, который он заключил. У него был свой опыт – опыт реальной дипломатии. Ведь дипломаты – уже авторы по необходимости, их репрезентации и повседневная работа носят творческий характер. Именно они создают на международной арене своих правителей.

СПИСОК ИСПОЛЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

- Блюш 1998:** Блюш Ф. *Людовик XIV*. М.: Ладомир, 1998. [Bluche Fr. *Louis XIV*. Moscow: Ladomir, 1998].
- Дуклау 2003:** Дуклау А. В. *Поэзия Мэтью Прайора*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2003. [Duclau A.V. *Poesija Metju Prajora*. Avtoreferat disertacii kandidata filologicheskich nauk. Sankt-Peterburg, 2003].
- Ивонина 2009:** Ивонина Л.И. *Война за испанское наследство*. М.: РосКонсулт, 2009. [Ivonina L.I. *Vojna sa ispanskoje nasledstvo*. Moscow: RosKonsult, 2009].
- Теккерей 1977:** Теккерей У.М. Английские юмористы XVIII века. Цикл лекций, прочитанных в Англии, Шотландии и Соединенных Штатах Америки. Пер. В. Хинкиса. – В: *Теккерей У.М. Собр. соч. в 12 т. Т. 7*. Москва, 1977. <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/tekkerej-yumoristy/prajor-gaj-i-pop.htm> (accessed on 11 July 2020). [Thackeray W. M. *Anglijskije humoristi XVIII veka. Cikli lekciij, pročitannich v Anglii, Shotlandii i Soedinennich Shtatah Ameriki*. Per. V. Hinkisa. – V: *Thackeray W. M. Sobr. soch. v 12 t. T. 7*. Moscow, 1977] <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/tekkerej-yumoristy/prajor-gaj-i-pop.htm> (accessed on 11.07.2020).
- Черняк 1991:** Черняк Е. *Пять столетий тайной войны*. М.: Международные отношения, 1991. [Chernjak E. *Pjat stoletii tajnoj vojni*. Moscow: Mezhdunarodnije otnosheniija, 1991].
- Barany 1986:** Barany G. *The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697-1698. Peter I and William III at Utrecht*. N.Y.: Columbia University Press, 1986.
- Bolingbroke 1712:** Lord Bolingbroke to Mr. Prior. September 10, 1712. In: *The Works of the Rev. Jonathan Swift*. Volume 11, 224. https://en.wikisource.org/wiki/The_Works_of_the_Rev._Jonathan_Swift/Volume_11/From_Henry_St._John_to_Matthew_Prior_-_1 (accessed on 18 October 2019).
- Boileau 1695:** Boileau Despréaux, Nicolas, 1636 – 1711. *Ode sur la prise de Namur*. London: Printed for Jacob Tonson ..., 1695.
- de Bruin et al. 2015:** Performances of Peace: Utrecht 1713. Ed. by R. E. de Bruin, C. van der Haven, L. Jensen, D. Onnekink. Leiden: Brill, 2015.
- Brunstrom 2014:** Brunstrom C. “In Prose and Business lies extinct and lost”: Matthew Prior and the Poetry of Diplomacy. – In: *Digital Defoe: Studies in Defoe & His Contemporaries*. Ed. by Adam Sills. 6, no. 1, 2014. <https://english.illinoisstate.edu/brunstrom> (accessed on 7.10.2019).
- Bath 1908:** *Calendar of the Manuscripts of the Marquess of Bath at Longleat*. Vol. III (Prior Papers). Hereford: HMSO, 1908.
- Churchill 2014:** Churchill W. *Marlborough, his Life and Time*. T. 4. New York: Rosetta Books, 2014.
- Browning 1953:** *English Historical Documents*. Ed by A. Browning. Vol. VIII. New York: Oxford University Press, 1953.
- Escott 1908:** Escott T.H.S. *The Story of British Diplomacy. Its Makers and Movements*. London: Adelphi Terrace; Leipsig: Inselstrasse, 1908.
- Eves 1939:** Eves Ch. K. *Matthew Prior Poet and Diplomatist*. New York: Columbia University Press, 1939.
- Israel 1991:** *Anglo-Dutch Momemt. Essays on the Glorious Revolution and its World Impact*. Ed. by J. Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Ivonina 2013:** Ivonina L. *The Peace of Utrecht in English Poems*. – In: *Utrecht – Rastatt – Baden 1712 – 1714. Ein europäisches*

Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwigs XIV. Hrsg. von H. Duchhardt und M. Espenhorst. Göttingen, 2013.

Jacobsen 2012: Jacobsen H. *Luxury and Power: The Material World of the Stuart Diplomat, 1660 – 1714.* Oxford: Oxford University Press, 2012.

Legg 2010: Legg L. G. W. *Matthew Prior: A Study of His Public Career and Correspondence.* Cambridge: University Press, 2010.

Legg 1914: Legg L.G. W. Torcy's Account of Matthew Prior's Negotiations at Fontainebleau in July 1711. – In: *The English Historical Review.* 29.115, 1914, 525 – 530.

Legg 1925: *British Diplomatic Instructions 1689 – 1789.* Ed. by L. Legg. Vol. II. London: Royal historical society, 1925.

Linehan 2011: Linehan P. *St John's College, Cambridge: A History.* London: Boydell Press, 2011.

Loewenson 1957: Loewenson L. The First Interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English Material. – In: *Slavonic and East European Review.* XXXVI. L., 1957 – 1958, 430 – 442.

Moetiens 1725 : Projet de Messieurs les Ambassadeurs d'Angleterre pour le Traite de Paix avec France, presente au Mediateur le 8/18 Juliet 1697. – In : *Actes et Memoires des négociations de la paix de Ryswick.* Par Moetiens. T. II. Haye: J. Van Duren, 1725, 191 – 192.

Matthew Prior Project – Walter Havighurst Special Collections and University Archives. <https://spec.lib.miamioh.edu/home/matthew-p...> (accessed on 10.12.2019).

The Matthew Prior Project. conan.lib.miamioh.edu › about... (accessed on 05.07.2020)

Prior 1713: From Matthew Prior to Jonathan Swift. October 18, 1713. – In: *The Works of the Rev. Jonathan Swift.* Volume 11, 257. https://en.wikisource.org/wiki/The_Works_of_the_Rev._Jonathan_Swift/Volume_11/From_Henry_St._John_

to_Matthew_Prior_-_1 (accessed on 18.10.2019).

Prior 1802: Prior Matthew. The Viceroy. A Ballad. – In: *The poetical works of Matthew Prior. With the life of author.* Cooke's ed. London, 1802, 91 – 98.

Prior 1835: Prior Matthew. A Letter to Monsieur Boileau Despreaux; occasion'd by the Victory at Blenheim, 1704. – In: *The Poetical Works of Matthew Prior: With the Life of Matthew Prior.* T. 1. London, 1835, 181 – 188.

Prior 1889: Prior Matthew. An English ballad in answer to Mr. Despreaux's Pindarique ode on the taking of Namure. – In: *Selected Poems of Matthew Prior.* Ed. by P. Kegan. London, 1889, 11 – 27.

Prior 1740: Prior Matthew. *The history of his own time: Compiled from the original manuscripts of His late Excellency Matthew Prior Esq; Revised and signed by himself, and copied fair for the press by Mr. Adrian Drift, his executor.* London: Printed for the editor, 1740.

Rawson 2013: Rawson Cl. War and the Epic Mania in England and France: Milton, Boileau, Prior and English Mock Heroic. – In: *The Review of English Studies.* 64. 265. 2013, 433 – 453.

Sorel 1884: *Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traits de Westfalie jusqu'a la Revolution Francaise. Autriche.* Par A.Sorel. Paris, 1884.

Johnson 1779: Samuel Johnson's Life of Matthew Prior. – In: *Works of the English Poets with prefaces, Biographical and Critical, by Samuel Johnson.* Vol 13. London, 1779.

Onnekink, Mijers 2013: *Redefining William III: The Impact of the King-Stadholder in International Context.* Ed. by D. Onnekink, E. Mijers. London: Ashgate Publishing, 2013.

- Rippy 1986:** Rippy Fr. M. *Matthew Prior*. Boston: Twayne, 1986.
- Rogers 1983:** *Restoration and Eighteenth Century Prose and Poetry*. Ed. by R. Rogers. London and Basingstoke: Macmillan International Higher Education, 1983.
- Roosen 1976:** Roosen W. J. *The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy*. Cambridge, Mass.: Schenkman, 1976.
- Roscoe 1913:** Roscoe E. S. Matthew Prior – Diplomatist and Poet. – In: *Edinburgh Review*. Longmans, 1913, 1 – 12.
- Williams 1981:** Williams A. S. Panegyric Decorum in the Reigns of William III and Anne. – In: *Journal of British Studies*. 21.1, 1981, 54 – 68.

Проф. д.и.н. Ивоина Людмила Ивановна,
Смоленский государственный университет,
ivonins@rambler.ru

„СВЕТЪТ НА МАТ“: ДИПЛОМАТИЧЕСКАТА СЛУЖБА НА АНГЛИЙСКИЯ ПОЕТ МАТЮ ПРАЙЪР

Людмила Ивонина

Резюме: Статията анализира обстоятелствата, постиженията и особеностите на дипломатическата дейност на английския поет Матю Прайър. Международното положение в Европа в края на XVII – началото на XVIII век поражда буря от емоции в общественото мнение и стимулира интелектуалците да вземат активно участие в политическия живот на своята страна и на континента като цяло. Прайър е сред малкото англичани по онова време, които успяват да съчетаят политическа и поетична кариера. Той отговаря на основните критерии за изкачване на кариерната стълбица в ерата на „дворове и съюзи“, защото притежава професионални способности, отлични познания по езици, изкуство, остроумие и способност да пише добре. В същото време, изпълнявайки по-голямата част от задълженията на пълномощния посланик, той стои зад представителите на аристокрацията поради простия си произход. Като дипломат, Прайър успешно се доказва по време на две европейски войни – войната в Аугсбургската лига и войната за испанското наследство. Като таен агент, секретар на посолството и изключителен посланик, той е участник във всички преговори с Франция. В своя опит Прайър осъзнава, че определена ситуация трябва да бъде преосмислена и интерпретирана в светлината на постоянно променящите се обстоятелства. Най-важното постижение на дипломацията му е сключването от Великобритания на Утрехтския мир с Версай. Авторът смята, че дипломацията определя неговите най-успешни и зрели творби, а поезията усъвършенства изкуството му на дипломация.

Ключови думи: дипломация, поезия, посланик, Мирът от Рейсвейк, Мирът от Утрехт.